

А. Н. ПЛЕЩЕЕВ

<Воспоминания>

Многоуважаемый Александр Николаевич ¹,

Глубоко поразила меня весть о внезапной кончине нашего дорогого, многострадального друга, Николая Гавриловича. Сколько воспоминаний вызвала она во мне! Как возмущается душа при мысли о тех страшных несправедливостях, которые загубили жизнь этого чистого, благородного, безупречного человека. Живо воскресает в памяти моей знакомство мое с ним и все последующие прискорбные события. Не удивляйтесь же, что мне захотелось поделиться с Вами этими воспоминаниями. Вы так близко стояли к нему. К великому моему огорчению, мне не удалось еще раз увидеть его, хотя я не терял надежду на это, и, намереваясь будущим летом проехать по Волге, думал заглянуть к нему в Саратов. Давно бы я сделал это, если бы не мои трудные обстоятельства.

Еще находясь в ссылке и прочитав в «Современнике» «Очерки гоголевского периода» ² и другие статьи Ник. Гавр., я почувствовал к нему бесконечное уважение и симпатию. Возвратясь в 1859 г. в Петерб., я вскоре же познакомился с ним через Н. А. Некрасова. Помню, с каким искренним сочувствием он отнесся ко мне и какое обаятельное впечатление произвела на меня его беседа, его ум, его простота и сердечность. Я тогда не имел еще почти никакого литературного имени — и ободряющий голос такого крупного литературного деятеля имел для меня огромное значение. Никогда я не работал так много и с такой любовью, как в эту пору, когда вся моя литературная деятельность отдана была почти исключительно тому журналу, которым руководил Н. Г. и идеалы которого были и навсегда остались моими идеалами.

Сколько хороших незабвенных вечеров проводил я у него! На его журфиксах ³ собирались не одни сотрудники «Современника», но либеральные люди всяких оттенков, люди, может быть, и не

вполне разделявшие воззрения «Современника», но охваченные общим движением возрождавшегося общества. Бывало там много военных, так как Н. Г. заведовал в это время редакцией «Военного сборника»⁴. Мне случалось встречать там много людей, которые теперь, достигнув «степеней известных», вероятно, благоразумно помалкивают о своем знакомстве с ним. Помню, как Н. Г., горячо сочувствовавший предстоящим реформам, советовал мне, независимо от моей литературной деятельности, идти на какую-нибудь общественную должность, и я впоследствии пытался, в Москве, баллотироваться в мировые судьи, но ввиду моего недавнего политического прошлого мне это не было разрешено.

Вскоре мне, к сожалению, пришлось покинуть Петербург, и я переселился на житье в Москву. Мы не переписывались с Н. Г.⁵ Я знал, как он обременен занятиями, и боялся затруднять его корреспонденцией. Только по литературным делам, посылая что-нибудь написанное мной в журнал, я сносился с редакцией через Н. Г. или Добролюбова, который относился ко мне всегда очень участливо. Я только раз еще виделся с Ник. Гавр., когда он проезжал через Москву как-то летом — если не ошибаюсь, в Саратов⁶. Мог ли я тогда думать, что мне более не суждено было его увидеть! Никогда не забуду я, как ошеломила меня весть об его арестовании! И как потом мучила меня мысль, что я, бессознательно, причинил ему много вреда, познакомив его с Костомаровым⁷.

В то время как я жил в Москве, пришел ко мне однажды Ф. Берг⁸, помещавший иногда свои статьи в «Современнике», и привел молодого уланского офицера Всеволода Костомарова, которого рекомендовал мне как даровитого переводчика стихов. Он прочел мне несколько своих переводов, и они действительно оказались хорошими. После этого он стал заходить ко мне часто, и я содействовал ему к помещению его стихотворений в журнале⁹. Сначала он мне понравился, показался скромным, застенчивым молодым человеком. Впоследствии открылась в нем одна крайне несимпатичная черта: он был страшный лгун и принадлежал к совершенно особенной породе лгунов: он лгал «скромно» и таким искренним, по-видимому и правдивым, тоном, что ни в ком не вселял к себе недоверия. И в том, что он говорил, никогда не заключалось чего-нибудь невероятного, невозможного. К сожалению, обнаружилось это уже тогда, когда он уехал из Москвы. Я случайно узнал, например, что все, что он мне рассказывал о своем пребывании за границей, было чистой выдумкой, что он ни-

когда и не ездил в чужие края. Точно так же он раз принес мне поэму юмористического содержания, очень бойко написанную и которую он выдал за свою, между тем как поэма эта оказалась впоследствии написанною не им. Несколько времени спустя после моего с ним знакомства он задумал ехать в Петербург, сказав мне, что выходит в отставку и желает жить литературным трудом. Он просил дать ему рекомендательное письмо в редакцию «Современника». Я исполнил его желание и рекомендовал его Николаю Гавриловичу и Мих. Ларионовичу Михайлову как человека, отлично знающего языки — в чем я действительно успел убедиться, — и очень способного к компилятивной работе¹⁰. Они прекрасно приняли его, обласкали, и в «Современнике» стали появляться его работы. Но вот однажды, если не ошибаюсь, мать его пришла ко мне с известием, что он арестован, оказалось потом, что его обвиняли в распространении сочинений Герцена, которые как будто бы перепечатывал посредством ручного станка¹¹. Вскоре он, однако же, был выпущен и возвращен в Москву. Но из Петербурга мне сообщили, что он ужасно дурно держал себя при допросах и, чтобы выгородить себя, клеветал на Ник. Гавр, и Михайлова, которых также арестовали. Понятно, что после этого я прервал с ним всякие сношения. Потом он был опять увезен в Петербург и, как я слышал тогда, разжалован в солдаты, куда-то выслан, но с дороги послал в III-е Отделение письмо, что имеет сделать важные открытия. Как известно, это открытие, ценою которого он получил себе свободу, заключалось в том, что он подделал под руку Ник. Гавр, письмо к одному литератору, жившему в Москве, и представил это письмо в III-е Отделение. Письмо было без конверта и, следовательно, без адреса. Литератор назывался «Алексей Николаевич». Так как в Москве других литераторов, носящих это имя, кроме меня, не оказалось, то у меня был сделан обыск, при котором в моих бумагах ничего подозрительного не нашлось, и я оставлен был на свободе, но был вызван в сенат в качестве «свидетеля» и там, после допроса, мне была дана очная ставка с Костомаровым. Он утверждал мне в глаза с необыкновенной наглостью и злобой, что будто я рекомендовал его Ник. Гавр, как человека способного и пригодного для политической агитации. Эта очная ставка, разумеется, окончилась тем, что мы оба остались при своих показаниях¹². Когда меня допрашивали сначала одного и показали мне письмо, приписываемое Ник. Гавр-чу, я, отвергнув его подлинность, дерзнул, однако же, спросить, откуда же письмо это могло взяться, так

как ни у меня при обыске, ни у Ник. Гавр, оно не было найдено, — но на это никакого ответа мне не дали. Подделка под руку Ник. Гавр., и самая грубая, бросилась в глаза, в особенности во второй половине письма (оно было на 4 страницах). Тон его также совсем не походил на тон Ник. Гавр., никогда не употреблявшего тех выражений, которые там встречались. Не говорю уже о том, что содержание письма было совсем для меня непонятно. Меня упрекали в нем за недостаток энергии, и в образец мне ставились какие-то люди, «действовавшие на Волге» и пр., словом, говорилось о таких вещах, о которых я никогда не слышал от Ник. Гавр. Я слышал потом, что два раза созывали для сличения почерка экспертов и что первый состав их признал письмо подложным, второй же сказал, что это действительно рука Н. Г. ¹³ В герценовском «Колоколе» было впоследствии напечатано, что Костомаров показывал, будто он, получив это письмо от Н. Г. для передачи мне (в то время, как он после своего первого ареста возвратился в Москву), засунул его за подкладку сак-де-вояжа, и так как оно смялось, то он посоветился передать мне его в таком виде! Благодаря этому обстоятельству оно и сохранилось у него, по его словам ¹⁴.

Таким образом, хотя на суде не была доказана подлинность этого письма и не выяснилось, к кому оно было написано, но тем не менее это письмо послужило единственным против него обвинением ¹⁵. За него он пошел на каторгу, и была загублена вся его жизнь. Не ясно ль, что эта вопиющая несправедливость, эта беспримерная жестокость имела источником желание во что бы то ни стало устранить писателя, литературную деятельность которого, имевшую громадное влияние на общество, считали опасной? Дело Н. Г. до сих пор остается неизвестным, но я, равно как все его знавшие, убежден, что он не был причастен к революционной агитации. И неужели правда никогда не выплывет наружу? Нет, я не хочу этому верить. Может быть, мы, старики, не доживем до этого, но я твердо убежден, что придет время, когда все раскроется и нелицеприятный суд истории произнесет свой приговор над этим вопиющим фактом, над этим позорным делом людской неправды и ненависти.

Простите, душевно уважаемый Александр Николаевич, если эти воспоминания, в которых Вы, может быть, не найдете для себя ничего нового, отняли у Вас много времени.

